

К.И. КАЗЕНИН

кандидат филологических наук, директор Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В.А. КОЗЛОВ

кандидат экономических наук,
доцент Института демографии НИУ Высшая школа экономики

Е.С. МИТРОФАНОВА

научный сотрудник Института демографии НИУ Высшая школа экономики

Е.А. ВАРШАВЕР

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы

А.Л. РОЧЕВА

кандидат социологических наук, научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы

**РОЖДАЕМОСТЬ СРЕДИ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ
МИГРАНТОВ В РОССИИ И ВЛИЯЮЩИЕ
НА НЕЕ ФАКТОРЫ (анализ данных опроса)¹**

В статье исследуются факторы, влияющие на рождаемость среди трудовых мигрантов в РФ из двух стран Средней Азии – Киргизии и Таджикистана. Исследование основано на онлайн-опросе женщин – трудовых мигрантов или членов семей трудовых мигрантов из этих двух стран, проведенном в 2018 г. Показано, что различия в режиме пребывания в РФ для граждан Киргизии и Таджикистана, введенные после вступления Киргизии в Евразийский экономический союз, пока, вопреки ожиданиям, не привели к значимым различиям по рождаемости между трудовыми мигрантами из двух стран. Авторы предлагают возможные объяснения этого результата. Одновременно полученные данные о рождаемости среди трудовых мигрантов и о влияющих на нее факторах обсуждаются в свете существующих гипотез о влиянии миграции на рождаемость.

Ключевые слова: трудовая миграция, рождаемость, ЕАЭС, адаптация мигрантов, Средняя Азия.

JEL: J13, J15, J61.

DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10007

¹ Статья написана в рамках НИР РАНХиГС 2018 года «Демографические процессы среди иностранных трудовых мигрантов в Российской Федерации».

1. Гипотезы о взаимосвязи трудовой миграции, рождаемости и брачности

Влияние миграции на рождаемость является очень популярной темой современных демографических исследований, т. к. невозможно переоценить практический смысл таких исследований в ситуации депопуляции в развитых странах. Первые попытки систематизации имеющихся гипотез о влиянии миграции на рождаемость принадлежат Д. Колдуэллу [1], а также Сидни и Элис Голдштейнам [2]. Выдвинутые ими гипотезы подвергались критике, дополнялись и переосмысливались в работах многих исследователей [3; 4; 5; 6]. Также была попытка свести все гипотезы к двум последствиям миграции: воздействию на количество детей и на возраст деторождения у мигрантов [7]. При этом влияние именно трудовой миграции на рождаемость исследовано пока крайне мало (едва ли не единственной работой, специально посвященной рождаемости среди трудовых мигрантов, является [8]).

В своем исследовании мы остановимся на проверке четырех наиболее популярных гипотез о влиянии миграции на рождаемость: социализации, адаптации, разрыва, селективности.

Гипотеза социализации утверждает, что репродуктивные и брачные установки усваиваются индивидом во время первичной социализации (в период жизни до 16 лет), и даже длительное пребывание в стране с иными установками не меняет паттернов поведения мигранта. Так, у мигрантов, прибывших из стран с более высокой рождаемостью, согласно данной гипотезе, итоговое число рожденных детей будет выше, чем в принимающей стране [9; 10; 11]. На практике сохранить установки и ценности своей культуры в исходном виде мигрант может, только если он не «включен» и не хочет «включаться» в культуру принимающей территории. В такой ситуации чаще всего оказываются женщины, сопровождающие мужчин – основных трудовых мигрантов. Такие женщины не имеют необходимости работать, взаимодействовать с местным населением, овладеть языком страны прибытия. В таком случае у женщин есть возможность сохранить исходные установки относительно деторождения, которыми для большинства трудовых мигрантов в современном мире является большое количество детей (т. к. дети еще и повышают статус женщины-домохозяйки), относительно ранний возраст деторождения и небольшой интервал между миграцией и деторождением [8, с. 1457].

Гипотеза адаптации или ассимиляции подразумевает, что та культура, в которой оказывается индивид после переезда, играет более важную роль при принятии репродуктивных и брачных решений, нежели та культура, в которой индивид вырос. Мигранты будут стре-

миться вести себя так, как ведут себя коренные жители страны при-бытия и рожать столько, сколько рожают они [7]. Безусловно, длительность пребывания в стране в данном случае напрямую связана с тем, насколько адаптированы мигранты к нормам принимающей страны: чем дольше иммигрант находится в новой среде, тем он более адаптирован [12; 13].

Гипотеза разрыва или нарушения жизненного пути воспринимает миграцию как «стрессовое» событие, вмешивающееся в тот календарь событий, который характерен для немигрантов. Так, миграция может провоцировать откладывание деторождения и вступления в брак до того момента, пока мигрант не адаптируется к новой среде, не начнет зарабатывать столько, сколько планировал при переезде, и не закрепит свои позиции на работе [14, с. 51]. Гипотеза разрыва предполагает особые характеристики брачного и репродуктивного поведения у мигрантов именно в первые годы после переезда.

Гипотеза селективности предполагает, что мигранты – это группа населения, еще на родине имеющая особые ценности и установки (в том числе репродуктивные и брачные), изначально не соответствующие ценностям и установкам основной части населения [4]. Тем самым ожидается, что по рождаемости они будут отличаться от населения родной страны уже до миграции. Эта гипотеза нашла подтверждения для некоторых групп трудовых мигрантов. Так, исследования женской миграции в Италию [15; 16] показали, что трудовые мигрантки из Украины демонстрируют более низкий уровень рождаемости по сравнению с населением Украины в целом. Этот уровень еще до переезда скорее соответствует принимающей стране, нежели стране выбытия.

2. Влияние образования ЕАЭС на режим пребывания членов семей трудовых мигрантов в РФ

Вступление в силу 1 января 2015 г. Договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с юридической точки зрения стало знаковым для основной части российских трудовых мигрантов, разделив их на иностранных граждан из стран СНГ (за исключением стран ЕАЭС) и на иностранных граждан государств – членов ЕАЭС. Возможности представителей этих двух групп существенно различаются в части правил пребывания, осуществления трудовой деятельности, получения медицинской помощи и положения членов их семей (подробно см. [17]).

Мы резюмируем здесь те отличия между режимом пребывания трудовых мигрантов из стран – членов ЕАЭС и из стран СНГ, не входящих в ЕАЭС, которые представляются наиболее существенными для рождаемости среди трудовых мигрантов. Во-первых, граждане стран

ЕАЭС могут находиться в России без ограничений по времени и по региону проживания, если их супруг имеет трудовой договор на территории РФ. Например, если муж – гражданин страны ЕАЭС имеет трудовой договор с российским работодателем сроком на один год, то его жена также получает право на проживание в РФ в течение этого года, вне зависимости от того, имеет ли она в РФ работу. Что касается трудовых мигрантов из стран СНГ, не являющихся членами ЕАЭС, то совершеннолетние члены их семей могут находиться в РФ, только если они также имеют патент на осуществление трудовой деятельности. Во-вторых, трудовые мигранты из стран ЕАЭС и члены их семей получают в РФ полисы обязательного медицинского страхования и, на их основании, доступ к бесплатным медицинским услугам. Граждане стран СНГ, не входящих в ЕАЭС, получают в РФ медицинские услуги только на основании договора о добровольном медицинском страховании, расходы по которому несут они сами или их работодатель, или же без страхования на платной основе.

Можно ожидать, что возможность легального пребывания в РФ неработающих жен трудовых мигрантов, а также доступ к бесплатной медицине (распространяющийся, очевидно, и на время беременности и родов) станут факторами, увеличивающими рождаемость среди трудовых мигрантов в РФ. Поэтому нашим количественным исследованием были охвачены женщины, мигрировавшие в РФ из двух государств – Киргизии (члена ЕАЭС) и Таджикистана (не члена ЕАЭС). Изменения в условиях пребывания в РФ, затронувшие женщин из Киргизии, позволяли предположить, что текущая рождаемость у них будет значимо выше, чем у женщин из Таджикистана.

3. Характеристика исследования

В основу исследования лег интернет-опрос, проведенный среди женщин 17–47 лет, уроженок Киргизии и Таджикистана, которые после 2014 г. хотя бы какое-то время проживали в РФ в качестве либо трудовых мигрантов, либо членов семей трудовых мигрантов. Учитывая большой «разброс» трудовых мигрантов из этих стран по регионам России, их некомпактное проживание даже в крупных городах, а также то, что, в силу культурных норм, можно было ожидать большого числа отказов от общения с интервьюером при проведении опроса «оффлайн», интернет-опрос был, скорее всего, единственным способом охватить такое количество респондентов.

База данных, отражающая результаты проведенного интернет-опроса, включает в себя данные, собранные двумя способами: во-первых, опросом mail.ru в двух социальных сетях – «ВКонтакте» и «Одноклассники», во-вторых, опросом Группы исследований

миграции и этничности (ГИМЭ) РАНХиГС через рекламный кабинет MyTarget, который позволяет транслировать объявление на сервисах Mail.Ru, в рекламной сети myTarget и социальной сети «Одноклассники». Опрос Mail.ru проводился с 14 июня по 16 июля, опрос ГИМЭ – с 4 по 24 июля 2018 г. Оба способа сбора данных предполагали разные методы достижения респондентов. Рассмотрим их подробнее.

В ходе опроса ГИМЭ анкета на трех языках загружалась на сайт SurveyMonkey.com, а ссылка на нее размещалась в рекламном объявлении, которое транслировалось выбранной аудитории. Для опроса были созданы две рекламные кампании: одна была ориентирована на женщин-мигрантов из Таджикистана, вторая – из Киргизии. Условия для демонстрации рекламного объявления включали в себя пол интернет-пользователя (женский), возраст (16–45 лет), место нахождения (РФ), участие в этнически маркированных группах (таджикских или киргизских). Для таргетинга по группам в социальных сетях были составлены два списка: первый включал в себя 97 киргизских групп, в каждой из которых было от 1000 до 165388 участников, второй – 72 таджикские группы, численность участников которых варьировалась от 1043 до 133038 человек. Киргизское объявление было показано 57283 раза, 1007 раз пользователи перешли с него на опрос. Таджикское объявление демонстрировалось 130153 раза, переходили на анкету 1541 раз. Всего начали отвечать на эту анкету 988 человек (343 человека выбрали киргизскую версию анкеты, 211 – таджикскую, 434 – русскую), из них в финальную базу были включены ответы 373 респондентов.

В ходе опроса mail.ru анкета на трех языках загружалась в интерфейс группы «Опросы, тесты и мнения» в двух социальных сетях: в «Одноклассниках» и «ВКонтакте». Респонденты достигались тремя способами: во-первых, были отобраны пользовательницы социальных сетей в возрасте 16–45 лет, которые участвуют в этнически маркированных группах, сейчас находятся в РФ, во-вторых, были отобраны пользовательницы социальных сетей в возрасте 16–45 лет, которые сейчас находятся в РФ, но в период с 2 сентября 2017 г. по июнь 2018 г. хотя бы раз заходили в социальную сеть «Одноклассники» или «ВКонтакте» с территории Киргизии или Таджикистана; наконец, в-третьих, опрос был размещен в группе «Опросы, тесты и мнения», и начать проходить его могли любые ее участники. Начали проходить анкету 1053 человека, в итоговый массив вошли ответы 627 респондентов. Финальный массив, собранный этими двумя способами, содержит ответы 1000 респондентов: 533 человека ответили на русскую версию анкеты, 112 – на таджикскую и 355 – на киргизскую.

Анкета была составлена таким образом, чтобы на основе обработки данных опроса была возможность дать ответ на следующие исследовательские вопросы:

- имеются ли значимые различия между выходцами из Киргизии и из Таджикистана по рождаемости в РФ после 2014 г.?
- каковы социально-экономические факторы, влияющие на рождаемость респондентов?
- каковы социокультурные факторы, влияющие на рождаемость респондентов?

Первый исследовательский вопрос был продиктован уже упомянутой необходимостью оценить влияние на рождаемость особенностей условий пребывания в РФ граждан Киргизии как страны ЕАЭС. Ответы на два других исследовательских вопроса позволяли определить, что, помимо особенностей режима пребывания, является детерминантом рождаемости среди трудовых мигрантов в РФ. Выявление таких детерминантов необходимо для оценки перечисленных выше гипотез о влиянии миграции на рождаемость применительно к исследуемому случаю миграции.

В соответствии с этими задачами исследования, анкета включала следующие блоки вопросов:

- вопросы, касающиеся основных «вех» биографии женщины: дата и место рождения, получение образования, семейное положение, количество детей, возраст при вступлении в брак и при рождении каждого ребенка; год и месяц первого приезда в РФ в качестве трудового мигранта или члена его семьи и дальнейшая «миграционная история»;
- вопросы об обстоятельствах пребывания в РФ: тип населенного пункта, в котором проживает женщина в РФ; наличие постоянной работы у нее и ее супруга; оценка женщиной своего материального положения в РФ; сеть социальных контактов женщины в РФ (доля родственников, соотечественников, уроженцев РФ среди тех, с кем она регулярно контактирует);
- вопросы, выявляющие социокультурные характеристики респондентов (личная религиозность; зависимость от старших родственников при принятии ключевых жизненных решений и т. д.).

4. Результаты исследования

На основе данных, полученных в результате опроса женщин, с применением регрессии Кокса была построена функция риска деторождения после 01.01.2014 г. На рисунке представлены функции риска отдельно для женщин – выходцев из Киргизии и из Таджикистана, с различием деторождений в РФ, на родине и в третьей стране. Функции построены для средних значений всех параметров, включенных в модель (параметры отражали ответы на вопросы перечисленных выше блоков).

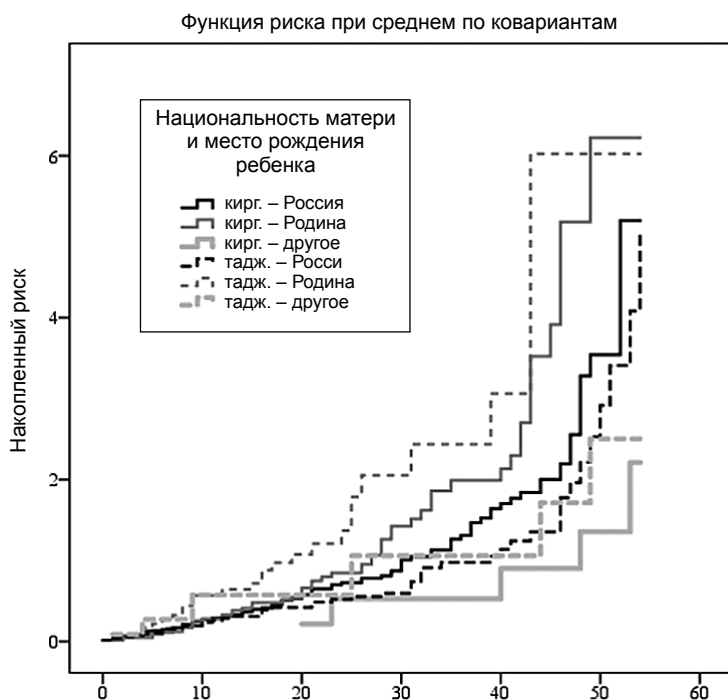

Рис. Функция рисков деторождения для разных групп респондентов

Результаты моделирования показали, что сильных различий в интенсивности деторождения у мигранток из Киргизии и из Таджикистана в РФ после 01.01.2014 г. не наблюдается. Шансы родить ребенка у мигранток из Киргизии, рожавших в России, ниже, чем у всех остальных респонденток. Начиная с середины 2015 г. первые более активно, чем вторые, рожают в РФ и менее активно, чем вторые, на родине. При этом значимые на 90%-ом уровне различия в шансах деторождения есть только в отношении мигранток из Киргизии и Таджикистана, рожавших на родине, а разница между мигрантками из Киргизии и Таджикистана, рожавшими в РФ, не имеет статистически подтвержденных различий и потому может быть случайной.

Таким образом, несмотря на существенные изменения режима пребывания в РФ для граждан Киргизии как страны ЕАЭС, это не привело ни к значимому росту рождаемости среди трудовых мигрантов из Киргизии по сравнению с трудовыми мигрантами из Таджикистана, страны – не члена ЕАЭС, ни к переходу мигранток к родам на территории России.

Отдельно были построены модели, сопоставляющие риски деторождения для респондентов с различными социально-экономическими и социокультурными характеристиками. Основные результаты этого моделирования состоят в следующем. Во-первых, вероятность

деторождения значимо выше у тех женщин, кто имеет в РФ постоянную работу². Во-вторых, не оказались значимы для рисков деторождения социокультурные характеристики респондентов, отражающие их личную религиозность, особенности семейного уклада и соотношение соотечественников/россиян в их круге общения в РФ.

5. Анализ полученных результатов

Незначимость различий по рождаемости между трудовыми мигрантами из страны – члена ЕАЭС и страны, не являющейся членом ЕАЭС, может объясняться сравнительно кратким периодом, прошедшим с момента получения первыми определенных преимуществ при пребывании в РФ в 2015 г. Однако учитывая, что из всех этих преимуществ мы анализировали влияние на рождаемость именно тех, которые потенциально могут быть факторами ее повышения, требует отдельного рассмотрения вопрос о том, почему эти факторы «не работали».

Фактор 1. Облегчение режима пребывания в РФ для совершеннолетних членов семей трудовых мигрантов, не имеющих постоянной работы в принимающей стране. Как мы уже указывали выше, результаты опроса позволяют говорить о том, что этот фактор на данный момент не повлиял на рождаемость. В то же время результаты опроса позволяют выдвинуть предположение о том, почему данная мера, вопреки ожиданиям, не повлияла на репродуктивное поведение трудовых мигрантов: это могло быть связано с тем, что именно наличие работы в РФ у обоих супругов рассматривается ими как желательное условие для деторождения в принимающей стране.

Фактор 2. Доступ граждан стран ЕАЭС к обязательному медицинскому страхованию в РФ. Доступ к медицинским услугам в стране пребывания является одним из условий, благоприятствующих рождаемости среди трудовых мигрантов. На момент опроса сравнительная легкость доступа к этим услугам граждан стран ЕАЭС по сравнению с другими трудовыми мигрантами (именно доступ к обязательному медицинскому страхованию для граждан стран ЕАЭС, проживающих в РФ), по-видимому, не имела существенного влияния на рождаемость, поскольку не было зафиксировано значимых различий по рождаемости между мигрантами, имеющими и не имеющими доступа к ОМС. Однако другие результаты опроса, в первую очередь положительная связь рождаемости с наличием работы в РФ у обоих супругов, позволяет предполагать, что в перспективе эта мера окажет «поддерживаю-

² Это подтверждается на выборке респондентов, объединяющей выходцев из обеих стран.

щее» воздействие на рождаемость среди трудовых мигрантов – граждан стран ЕАЭС. Значимость для деторождения работы матери в РФ не ожидалась бы, если бы трудовые мигранты в основном планировали бы воспитывать детей на исторической родине. А если для респондентов «базовым» сценарием является воспитание детей в РФ, то условия медицинского обслуживания детей в принимающей стране, включая доступ к ОМС, могут быть фактором, позитивно влияющим на рождаемость среди трудовых мигрантов – граждан стран ЕАЭС.

Рассмотрим теперь результаты проведенного исследования в свете имеющихся гипотез о влиянии миграции на рождаемость. Прежде всего, явно не получила подтверждения гипотеза разрыва. Наш анализ не выявил значимой связи между рисками деторождения и числом лет (месяцев), прошедших после совершения миграции. Такой результат не представляется удивительным. Необходимо учесть, что гипотеза разрыва (см. ссылки о ней выше) обычно подтверждается в двух ситуациях: в ситуации миграции для заключения брака (тогда всплеск деторождений ожидается в первые 1–3 года после миграции) и в ситуации, когда мигранты в первые годы после переезда вкладывают значительные ресурсы для обустройства на новом месте. Брачная миграция не засвидетельствована как распространенное явление среди мигрантов из стран Средней Азии в РФ, а вкладывание значительных ресурсов и времени в обустройство на принимающей территории вряд ли может быть распространенной стратегией в сообществе мигрантов, большая часть которых рассматривает свое пребывание в принимающей стране как временное, даже если оно потенциально продолжительное [18].

Гипотеза социализации применительно к находящимся в России трудовым мигрантам из стран Средней Азии практически не может быть проверена. Напомним, что гипотеза социализации предполагает воспроизводство мигрантами тех «образцов» репродуктивного поведения, которые были наиболее распространенными в месте их проживания в возрасте до 16 лет, в период первоначальной социализации. Для ее проверки в некоторой совокупности мигрантов необходимо, чтобы в составе этой совокупности были достаточно большие группы мигрантов, которые проживали до 16 лет на территориях, различающихся по уровню рождаемости населения. Однако среди опрошенных мигрантов абсолютное большинство до достижения взрослого возраста проживало на исторической родине, то есть контрастов между мигрантами, необходимых для проверки гипотезы социализации, не имеется.

Более интересными являются результаты проведенного исследования в свете гипотезы адаптации. Напомним, что эта гипотеза предполагает постепенное приближение уровня рождаемости среди мигрантов к уровню рождаемости среди коренного населения по мере увеличения срока пребывания мигрантов на принимающей территории.

В других версиях этой гипотезы предполагается, что различия между мигрантами и коренным населением по уровню рождаемости уменьшаются не просто вследствие времени, проведенного мигрантами на принимающей территории, но в зависимости от степени адаптации мигрантов на ней. Поскольку уровень рождаемости в странах Средней Азии на сегодня заметно выше уровня рождаемости в России [19], уменьшение различий по репродуктивному поведению между коренным населением РФ и трудовыми мигрантами из Средней Азии могло бы состоять в снижении уровня рождаемости среди последних. В свете этого гипотезе адаптации противоречат как минимум два вывода из предпринятого нами анализа результатов полевого исследования.

Во-первых, с гипотезой адаптации не согласуются обнаруженные в ходе анализа более высокие риски деторождения у женщин, имеющих работу, по сравнению с теми, кто работы не имеет. Очевидно, что наличие работы – это один из индикаторов сравнительно успешной адаптации мигрантов на принимающей территории. В общем случае те, кто имеет работу, имеет и больше социальных связей с коренными жителями принимающей территории, больше материальных возможностей на новом месте и т. д., то есть лучше приспособился к новым для себя реалиям, чем тот, кто работы на принимающей территории не имеет. Исходя из этого можно было бы ожидать, что снижение рождаемости более высокими темпами пойдет среди более «адаптировавшихся» благодаря наличию работы мигрантов. В реальности, однако, дело обстоит противоположным образом.

Во-вторых, в свете гипотезы адаптации неожиданным выглядит обнаруженное нами отсутствие значимой связи между рисками деторождения и интенсивностью социальных связей женщин-мигрантов с выходцами со своей исторической родины. В рамках данной гипотезы, чем интенсивнее такие связи, тем ближе уровень рождаемости среди мигрантов к ее уровню на исторической родине, что в нашем случае означало бы более высокие риски деторождения у тех, у кого такие социальные связи интенсивнее. Это ожидание на примере трудовых мигрантов из Средней Азии в РФ не подтверждается. Более того, позитивная связь между деторождением и наличием у женщины работы позволяет говорить о том, что семьи трудовых мигрантов при решении о рождении ребенка в большей степени рассчитывают не на помощь сообщества родственников, соотечественников в воспитании ребенка, а на собственные материальные ресурсы, которые, как ожидается, выше при наличии работы в РФ у обоих супругов.

Результаты, не согласующиеся с гипотезой адаптации, требуют дальнейшего теоретического осмысления. По нашим данным, та тенденция, которая в случае трудовых мигрантов из Средней Азии «перечеркнула» ожидаемые эффекты гипотезы адаптации, а именно более

высокая вероятность деторождения среди женщин, имеющих постоянную работу, в исследованиях других сообществ трудовых мигрантов мира ранее не обнаруживалась. Это, однако, не позволяет ни говорить об «исключительности» мигрантов из Средней Азии с точки зрения факторов, влияющих на рождаемость, ни выдвигать предположения об условиях, в которых регулярно можно было бы ожидать позитивной взаимосвязи занятости и рождаемости среди мигрантов. Для выяснения этих условий требуется сопоставительное исследование рождаемости среди трудовых мигрантов в разных странах мира. На данный момент, как было отмечено выше, именно эта категория мигрантов остается одной из наиболее «недоисследованных» в аспекте рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Caldwell J. Theory of Fertility Decline. London: Academic Press, 1982.
2. Goldstein S., Goldstein A. Migration and fertility in peninsular Malaysia: an analysis using life history data. Santa Monica: Rand Corporation, 1983.
3. Goldscheider C., Uhlenberg P.R. Minority Group Status and Fertility // American Journal of Sociology. 1969. Vol. 74. No. 4. P. 361–372.
4. Kulu H. Migration and Fertility: Competing Hypotheses Re-examined // European Journal of Population / Revue européenne de Démographie. 2005. Vol. 21. No. 1. P. 51–87.
5. Kulu H., Milewski N. Family change and migration in the life course: An introduction // Demographic Research. 2007. Vol. 17. P. 567–590.
6. Kulu H., Gonzalez-Ferrer A. Family Dynamics Among Immigrants and Their Descendants in Europe: Current Research and Opportunities // European Journal of Population. 2014. Vol. 30. No. 4. P. 411–435.
7. Wilson B. Disentangling the quantum and tempo of immigrant fertility // IUSSP Population Conference, Busan, Republic of Korea, August 26–31, 2013.
8. Ortensi L.E. Engendering the fertility-migration nexus: The role of women's migratory patterns in the analysis of fertility after migration // Demographic Research. 2015. Vol. 32. P. 1435–1468.
9. Hervoitz H.M. Selectivity, Adaptation, or Disruption? A Comparison of Alternative Hypotheses on the Effects of Migration on Fertility: The Case of Brazil // The International Migration Review. 1985. Vol. 19. No. 2. P. 293–317.
10. Andersson G. Demographic trends in Sweden: An update of childbearing and nuptiality up to 2002 // Demographic Research. 2004. Vol. 11. P. 95–110.
11. Sobotka T. The rising importance of migrants for childbearing in Europe // Demographic Research. 2008. Vol. 19. No. 9. P. 225–248.
12. Beine M., Docquier F., Schiff M. International migration, transfer of norms and home country fertility // Canadian Journal of Economics. 2013. Vol. 46. No. 4. P. 1406–1430.
13. Weber R. Does intermarriage change migrants' preferences for the home country? // IZA Journal of Migration. 2015. Vol. 4. No. 1.
14. Захаров С.В., Сурков С.В. Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 2 / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009. С. 45–118.

15. *Strozza S., Paterno A., Bernardi L., Gabrielli G.* Migrants in the Italian Labour Market: Gender Differences and Regional Disparities // *Gender and migration in 21st century Europe*. 2009. P. 131–160.
16. *Di Bartolomeo A., Gabrielli G., Strozza S.* The labour market insertion of immigrants into Italy, Spain and the United Kingdom // *Migration in the Mediterranean*. London; New York: Routledge. 2016. P. 57–85.
17. *Иванова Н.С., Варшавер Е.А.* Особенности правового положения трудовых мигрантов из ЕАЭС и прочих стран СНГ в России: сравнительный анализ // *Миграционное право*. 2018. № 3. С. 3–8.
18. *Варшавер Е., Рочева А., Кочкин Е., Кулдина Е.* Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования миграционных траекторий. Препринт. 2014.
19. *Щербакова Е.М.* Евразийский демографический барометр // *Демоскоп Weekly*. 1–21 января, 2017.

ABOUT THE AUTHORS

Konstantin Igorevich Kazenin – Candidate of Philological Sciences, Director of the Center for Regional Studies and Urban Studies of the Institute of Applied Economic Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. kz@ranepa.ru

Vladimir Aleksandrovich Kozlov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Institute of Demography of the National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia. vakozlov@hse.ru

Ekaterina Sergeevna Mitrofanova – Scientific Associate of the Institute of Demography of the National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia. Mitrofanovy@yandex.ru

Evgeny Aleksandrovich Varshaver – Candidate of Sociological Sciences, Senior Scientific Associate of the Institute of Applied Economic Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. varshavere@gmail.com

Anna Leonidovna Rocheva – Candidate of Sociological Science, Scientific Associate of the Institute of Applied Economic Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. anna.rocheva@gmail.com

THE BIRTH RATE AMONG FOREIGN MIGRANTS IN RUSSIA AND THE FACTORS AFFECTING IT (ANALYSIS OF SURVEY DATE)

The paper deals with birth rate among labor migrants from two countries, Kyrgyzstan and Tajikistan, in Russia. The study is based on an online survey of women migrants from those countries, held in 2018. It is argued that differences in regulation of stay of labor migrants from the two countries in Russia which emerged after Kyrgyzstan had joined the Eurasian Economic Union in 2015, didn't have a significant effect upon birth rate so far, contrary to expectations. Possible explanation of this is suggested. The results of analysis also are considered against the background of key hypotheses about migration-to-birth-rate relation, currently present in demography.

Keywords: *labor migration, birth rate, Eurasian Economic Union, adaptation of migrants, Central Asia.*

JEL: J13, J15, J61.